

и кончить. Жизнь въ уѣздномъ глухомъ городѣ пугала его, но онъ старался ободрять себя.—Есть же и тамъ люди,—возражалъ онъ, знавшимъ захоlustя,—учителя, врачи... Наконецъ, у меня будетъ живое дѣло.—Познакомившись съ товарищами, онъ ужаснулся, но тотчасъ же поспѣшилъ себя успокоить: «первому впечатлѣнію не нужно поддаваться»,—говорилъ онъ всегда. Но затѣмъ онъ познакомился съ мѣстнымъ обществомъ. Произошло это очень просто. Однажды всѣ учителя собрались опять у Веймара. Скучно было. Дыхляевъ и Олинъ апатично пили, Корневъ курилъ папиросу за папиросой, а Веймаръ, по обыкновенію, мѣрлялъ комнату большими шагами.

— Что это, господа, какъ жизнь однообразно идетъ,—пожаловался Корневъ.—Давайте хоть вечеръ литературный устроимъ, что ли...

— Прекрасная мысль! Хе-хе-хе!—засмѣялся Олинъ.—Кто читать будетъ?

— Мы, конечно...

— Ну, на насъ двѣ работы навалить нельзя! и читать мы, и слушать мы же! Помилуйте!

— Какъ это: «и слушать мы же»?

— Да очень просто: не пойдетъ никто.

— Почему?

— Потому что некогда, въ преферансъ играть надо,—вмѣшался Дыхляевъ.

— Да вы пробовали или нѣтъ?—спросилъ Корневъ почти запальчиво.

— Мы-то не пробовали—не такъ ужъ наивны, а былъ здѣсь года два тому назадъ молодецъ въ родѣ васъ,—тотъ пробовалъ...

— Ну, и что же? никто не пришелъ?

— Какъ никто! Мы всѣ были... Помните, Иванъ Филипычъ?

— Помню, милый мой, помню... На другой день никто въ училищѣ не былъ.

— Перепились!—пояснилъ Дыхляевъ.—Кочетковъ съ горя, что вечеръ не удался, а мы за компанію.

— А любительскій спектакль можно устроить?—спросилъ Корневъ, нѣсколько помолчавъ.

— Спектакль можно,—согласился Олинъ пронично.—Кто играть будетъ?

— Мы можемъ...

— И женскія роли мы?

— Т.-е. вы хотите сказать, что нельзя найти любительницъ?

— Именно, именно это хочу сказать. Развѣ можно объяс-